

Отклик представителей союзных держав в России на революционные события 1917 года¹

А. В. Бодров

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Бодров А. В. Отклик представителей союзных держав в России на революционные события 1917 года // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 128–145. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.202>

Статья предлагает сравнительный анализ оценок английскими и французскими дипломатическими и военными представителями в России революционных событий с февраля по октябрь 1917 г. Автор очерчивает круг наиболее информированных иностранных наблюдателей и пытается оценить степень их влияния на политику Парижа и Лондона в отношении России. Он обращает внимание на то, в какой мере отклики и оценки представителей союзных держав обуславливались их положением и родом решавшихся ими задач, а также их политическими пристрастиями и предрассудками. Автор не ограничивается своеобразным «дайджестом» откликов иностранных современников Русской революции, но также стремится вписать эти отклики в общий контекст усилий правительств Франции и Великобритании по удержанию своего восточного союзника в войне. Кроме того, статья затрагивает вопрос общего и различного в «русской» политике двух стран, меру согласованности и соперничества западных держав в попытках повлиять на ход событий в России. Оценки иностранных представителей прослеживаются в динамике. Они естественным образом эволюционировали вслед за разворачивавшимися в России процессами в дрейфе «от плохого к худшему»: от тревоги в марте-апреле по поводу последствий падения дисциплины в русской армии к скепсису июня-июля относительно готовящегося наступления на Восточном фронте и, наконец, разочарованию и краху надежд на всякую помощь от России до конца кампании 1917 г. Автор также отмечает удивительное единодушие британских оценок и гибкость «русской политики» Франции.

Ключевые слова: Русская революция 1917 г., Первая мировая война, Антанта, дипломаты, военные представители, восприятие.

В последнее время отечественные исследователи все чаще обращаются к проблемам союзного взаимодействия России со странами Антанты в годы Первой мировой войны. 1917-й год отметил собой кардинальные изменения в положении России в рамках союза и самой «русской политики» Франции и Великобритании. Понимание этих процессов немислимо без учета той картины, которая складывалась в Лондоне и Париже под воздействием поступавших из Петрограда сведений.

¹ Статья подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-09-00498 «От интервенции к признанию: “русская” политика Французской Республики в 1917–1924 гг.».

Данная проблема уже затрагивалась зарубежными и отечественными историками. Так, книга Р. Уорта [1] дает обобщенную картину политики Антанты перед лицом Русской революции, но роль иностранных представителей в России в формировании этой политики специально не рассматривается. Ряд работ К. Нейлсона предлагает более глубокий анализ британской политики в отношении восточного союзника [2–4], а одна из глав книги А. Огенюис-Селиверстофф — французской [5]. А. Ю. Павлов вписывает французскую и британскую политику в военно-стратегический контекст [6]. Одна из его новейших статей специально посвящена отклику французского военного и политического руководства на Февральскую революцию [7]. Статьи И. Э. Магадеева, В. А. Бабинцева и Ю. М. Галкиной с разных исследовательских подходов развивают тему откликов французских военных экспертов на более широком хронологическом отрезке [8–9]. А. А. Вершинин обращается к специфике восприятия Русской революции французской политической элитой того времени [10]. И все же общую для всех этих исследований тему рано считать исчерпанной.

Отталкиваясь от работ своих предшественников, автор данной статьи преследует цель проследить то, как менялось восприятие революционных событий в России представителями союзных держав в период с февраля по октябрь 1917 г., обобщить их оценки, выявить наиболее характерные и определить их динамику. При этом важно по возможности расширить спектр мнений, не ограничиваясь откликами дипломатов. Второй составляющей авторского подхода к проблеме является сравнительный анализ французских и британских оценок, что в ряде случаев позволяет уточнить картину.

Внимание преимущественно к французским и британским оценкам обусловлено тем, что США самыми последними подключились к проектам помощи России. Американский посол Дэвид Р. Фрэнсис слишком часто обнаруживал свою неосведомленность в стремительном круговороте революционных событий в Петрограде [1, с. 40–41; 11, р. 143]. К лету 1917 г. госсекретарь США Роберт Лэнсинг и президент Вудро Вильсон успели проникнуться недоверием к способностям своего посла в Петрограде и делали ставку на другие источники информации. Восприятие событий в России того же Лэнсинга, к примеру, в большей степени формировалось под воздействием сведений, полученных от англичан. Вильсон же прислушивался к отзывам своего спецпредставителя Чарльза Крейна [12, с. 97, 106–109].

Для начала стоит очертить круг представителей держав Антанты, выступавших для своих правительств важнейшими источниками информации о происходящем в России. Для Великобритании таковыми на протяжении всей войны были посол Джордж Бьюкенен, военный атташе полковник (затем генерал) Альфред Нокс, заместитель военного атташе (с июля 1916 г.) майор Кадберт Торнхилл, представитель британской военной разведки в России подполковник Сэмюэл Хор (июль 1916 г. — март 1917 г.), глава британского Бюро пропаганды в Петрограде Хью Уолпол. В Москве разведывательную деятельность вперемешку с пропагандистской осуществлял британский генеральный консул Роберт Локкарт. Британские представители, как и их французские коллеги, спешили воспользоваться представившейся после февральских событий большей свободой в поездках по стране, так что их представление о происходящем в России не ограничивалось одним Петроградом.

Французское правительство также располагало достаточным числом информированных наблюдателей помимо посла Мориса Палеолога и сменившего его с середины июля 1917 г. Жозефа Нуланса. За положением в русской армии и в русском тылу внимательно следили военный атташе генерал Жан Лавернь, представитель при Ставке и глава французской военной миссии генерал Морис Жанен (с сентября 1917 г. — генерал Анри Ниссель), а также их многочисленные сотрудники. Стоит особенно отметить масштабы французской военной миссии, насчитывавшей в тот период до 80 человек (половина — в Петрограде, половина — на фронте). Помимо этого в стране находилось еще порядка 125 французских офицеров и 900 унтер-офицеров и нижних чинов, отправленных в составе различных военно-технических миссий, отзывы которых в ряде случаев также учитывались посольством.

Кроме того, Россию регулярно посещали отдельные французские политики и военные. Особенно стоит отметить среди последних подполковника Ланглуа, совершившего в общей сложности восемь длительных поездок в Россию. Его многостраничные отчеты давали комплексную оценку военного потенциала восточного союзника, включая сведения о внутривосточной и экономической ситуации. Ланглуа действовал под эгидой Второго бюро французского Генштаба (военная разведка и контрразведка) и описывал ситуацию в России с исключительной прямотой. Велика была также роль миссии французского министра вооружений социалиста Альбера Тома, пробывшего в Петрограде с апреля по июнь 1917 г. В Петрограде Тома, по примеру англичан, учредил Комитет управления пропагандой во главе с заместителем военного атташе графом Франсуа де Шевийи.

Париж также был хорошо информирован о положении русской промышленности и экономики в целом, что было следствием многочисленных деловых связей, налаженных еще в предвоенные десятилетия. Многие французские инженеры и предприниматели, ведшие свои дела в России, остались в ней и после начала войны, став дополнительным и очень важным источником сведений для своего правительства. Большим влиянием во всех сферах в Петрограде, в частности, располагали представитель «Лё Крезо» граф Арман де Сен-Совёр и вице-председатель Русско-французской торговой палаты, председатель металлургического синдиката «Продамет» Пьер Дарси [13]. Это давало Парижу прекрасную возможность сопоставлять информацию из официальных и неофициальных источников.

Нет ничего удивительного, что накануне Февральской революции представители союзных держав в России вполне отдавали себе отчет обо всей тяжести накопившихся здесь проблем. Представитель британской военной разведки в Петрограде (впоследствии известный государственный деятель) подполковник Сэмюэл Хор уже в конце 1916 г. характеризовал политическую ситуацию в России как «в высшей степени неудовлетворительную». Являясь скорее политиком, нежели профессиональным разведчиком, Хор сосредоточился на наблюдении за политическим горизонтом в России. Хор быстро утвердился во мнении, которое неизменно подчеркивали его донесения из Петрограда, что «тыл в России имеет большее значение, чем фронт, а политика зачастую важнее стратегии и тактики» [14, p. 102]. Круг его общения был шире, чем у военных представителей, а знание русского языка способствовало точности наблюдений.

26 декабря 1916 г. в своем длинном отчете Хор особенно подчеркивал, что «подавляющее большинство гражданского населения в России настроено в поль-

зу мира», свидетельством чему стал отклик на инициативы В. Вильсона. Как пояснял британский представитель, «условия жизни сделались столь нестерпимыми, русские потери стали столь тяжелы <...> дезорганизация управления и недоверие к правительству — столь печально очевидными, что нет ничего удивительного в том, что большинство простого народа хватается за каждую “соломинку” мира». До своего возвращения в Лондон Хор успел не только предречь весьма вероятное падение монархии, но и предсказать, что «Россия ни за что не станет сражаться еще одну зиму» [14, p. 118]. Это в точности соответствовало тому выводу, к которому пришел через два с половиной месяца и военный атташе полковник Альфред Нокс [15, p. 34].

Впрочем, корень зла Нокс видел в неспособности царского правительства к эффективному управлению. В своих воспоминаниях Нокс неоднократно возвращался к мысли, что «обстановка на фронте была намного более удовлетворительной, чем в тылу», а перспективы весенней кампании 1917 г. на русском фронте накануне революции — намного более многообещающими, чем годом ранее. Эта оценка разделялась и дипломатами. Один из молодых сотрудников британского посольства, Френсис Линдли, уверял впоследствии, что «сохрани русская армия свое единство, она вполне могла бы увидеть победу до конца года» [16, с. 67–68]. Нокс также полагал, что беспорядки в Петрограде никогда не переросли бы в революцию, если бы «правительство из-за своей вопиющей глупости прежде не оттолкнуло от себя абсолютно все слои общества» [17, p. 520, 551, 564].

Несколько более оптимистичен в своих оценках поначалу оставался британский посол в Петрограде Джордж Бьюкенен. В своем докладе относительно перспектив России в войне 18 февраля 1917 г. он выражал уверенность в том, что «большинство народа, включая правительство и армию, едины в своем стремлении сражаться до победного конца». Посол не видел причин сомневаться в том, что императорская семья также верна этой цели, но был примечательно критичен, указывая на «прискорбную слабость» Николая II и «реакционность» императрицы Александры Федоровны. Особенно его беспокоило ухудшение экономического положения страны, перебои в работе железных дорог и промышленных предприятий: если подобное положение примет хронический характер, то Россия «будет не в состоянии встретить четвертую зимнюю кампанию <...> Политическая или экономическая ситуация в любой момент может преподнести нам неприятный сюрприз». Однако британский посол продолжал иррационально верить в то, что «Россия — это такая страна, которая обладает счастливой способностью держаться наперекор всему», особенно при поддержке союзников [18, p. 56–57].

Профессиональный оптимизм Бьюкенена контрастировал с негативным впечатлением, вынесенным британскими участниками (и прежде всего влиятельным членом «Военного кабинета» лордом Альфредом Милнером) Петроградской союзнической конференции февраля 1917 г. Хорошо суммировало их отзывы известное свидетельство премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа о том, что «союзные делегации застали Россию в состоянии полной дезорганизации, хаоса и беспорядка, раздираемой партийной борьбой, пронизанной германской пропагандой и шпионажем, разьедаемой взяточничеством» [19, p. 453].

Французские оценки были схожими [10, с. 130–131]. Участвовавший в работе конференции в качестве одного из делегатов генерал Ноэль де Кастельно после

посещения Петрограда и знакомства с общей ситуацией отказался от надежд на значительные успехи на Восточном фронте: «...все, что мы можем просить у России — это удерживать перед собой немецкие силы» [8, с. 35]. Предупреждал Париж о том, что от русской армии можно ожидать только «ограниченных успехов, которые едва ли заставят немцев перебрасывать войска с других фронтов», в своем отчете по итогам очередной миссии в феврале 1917 г. и подполковник Шарль Ланглуа [20, 17 N 1547]. Ланглуа характеризовал политическую обстановку в России как хрупкое равновесие, нарушить которое мог малейший инцидент. Оценка оказалась пророческой: уже в Париже Ланглуа пришлось лихорадочно дополнять свой отчет вслед за получением известий о начале беспорядков в Петрограде.

Мнения в общественных кругах и правительствах по поводу разворачивавшихся в России революционных событий практически с самого начала разделились. Во французском обществе свержение царского режима вызвало восторженный отклик, поскольку в нем видели отправную точку нового патриотического подъема и активизации военных усилий. Сравнение между Русской революцией и Французской революцией 1789 г. напрашивалось, и многие иностранные наблюдатели: журналисты и публицисты либеральных или левых взглядов, не могли избежать соблазна провести соответствующие исторические параллели [21, р. 493–498; 22, р. 121–123]. Во Франции и Великобритании были склонны переоценивать влияние «германской партии» при русском дворе, якобы мешавшей стране вести войну со всей решимостью.

Однако первой и естественной реакцией британского и французского руководства на события Февральской революции и отречение Николая II стали опасения, что за ними последует хаос, в результате которого русская армия утратит способность к активным боевым действиям. Как впоследствии метко подытоживал Р. Локкарт, союзники встретили «революцию сначала с притворным энтузиазмом, а затем с быстро возрастающей тревогой. Им хотелось — и для военных кругов это желание было естественно — вернуть все на прежнее место» [23, с. 181].

Британский Военный кабинет принялся всерьез изучать последствия возможного выхода России из войны уже в конце марта 1917 г. — итоговое рассмотрение этого вопроса состоялось на закрытом заседании 9 мая. О том, что Россия поддержит так называемое наступление Нивеля на Западном фронте, уже не было и речи, расчеты англичан на наступательные действия русской армии на Кавказском фронте также не оправдались. Британские военные представители подтверждали, что весной 1917 г. армия сражаться неспособна. Начальник Имперского Генерального штаба генерал Уильям Робертсон в ответ призвал готовиться к тому, что немцы «оставят русских вариться в собственном соку и перебросят значительное число дивизий на Западный фронт» [24, САВ 24/10/89].

Если оценки марта 1917 г. в большей степени были продиктованы революционными картинками в Петрограде, то отклик на революцию и, соответственно, влияние последней на боеспособность фронтовых частей вполне прояснились иностранным представителям к маю. Нокс, объехавший в апреле с инспекцией Северный русский фронт, отмечал, что «армия оказалась зачарована политикой, и все ее мысли занимало происходящее в тылу» [17, р. 606]. Динамика развития событий здесь с самого начала вызывала тревогу. Уже через три дня после начала Февральской революции Локкарт представил британскому посольству обстоятель-

ный анализ революционного движения, резюмировавший: «...кажется немислимой возможность прекращения борьбы между буржуазией и пролетариатом без дальнейшего кровопролития. Когда она начнется, никто не знает, но перспективы войны представляются мрачными» [23, с. 180].

10 апреля 1917 г. Бьюкенен в письме к лорду Милнеру суммировал свои впечатления: «Военные перспективы в высшей степени неутешительны, я лично оставил всякую надежду на успешное наступление русских этой весной. Я также не придерживаюсь оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. Россия не созрела для чисто демократической формы правления...» [18, р. 114]. Теперь Бьюкенен признавал, что «война вызывает мало энтузиазма», пусть и спешил оговориться, что речь идет о Петрограде. Мрачным оценкам вторил и один из ведущих канадских экспертов в железнодорожном деле Джордж Бари, находившийся с февраля по апрель 1917 г. в России для оказания содействия в решении ее транспортных проблем. В докладе британскому Военному кабинету он подчеркивал, что «от России не стоит ждать большой помощи». Далекий от военных дел, он предрекал падение Петрограда в течение года, но иррационально верил также в неминуемое последующее изгнание немцев с территории России [25, САВ 24/9/87; 26, р. 67].

Все эти опасения отразились в решении английского руководства уже в марте 1917 г. повременить с исполнением данных Петрограду месяцем ранее обещаний по поставке крупнокалиберных орудий и аэропланов. Именно сотрудничество в военно-технической сфере стало точным барометром отношения официального Лондона и Парижа к происходящему в России, вопреки всем декларациям дипломатов в поддержку Временного правительства. Особенно показательным в этом смысле стало постоянное откладывание вопроса об уступке восточному союзнику тяжелой артиллерии, неготовность оплачивать из британского кредита новые русские военные заказы за рубежом и сокращение выделяемого Адмиралтейством торгового тоннажа для доставки через Мурманск и Архангельск уже произведенного вооружения [3, р. 72–75].

Глава французской военной миссии Морис Жанен вполне одобрил тактику англичан. Он полагал необходимым «ограничиться отправкой остро необходимого, дабы сохранить видимость того, что ничего не произошло» [27, р. 165]. Неопределенность политического будущего России и дезорганизация транспорта ставили вопрос о целесообразности масштабных поставок. Побуждая Россию к продолжению активного участия в войне, Антанта, безусловно, не могла отказаться от поставок полностью. Однако чем дальше, тем больше они рассматривались скорее как знак «политической поддержки» Временному правительству, нежели как серьезная военная помощь.

Ответственный за распределение морского торгового тоннажа лорд Джордж Керзон в своем докладе Военному кабинету 14 мая 1917 г. выразил сомнения в том, что в ближайшем будущем положение улучшится. Наиболее вероятным вариантом развития событий ему казалось то, что Россия «останется в войне, но вести ее не будет» [3, р. 68]. Почти одновременно с этим Нокс отметил в своем дневнике, что главной задачей союзников остается «при всех обстоятельствах удержать на позициях хотя бы *часть* русских войск, дабы предотвратить переброску *всех* германских войск на Запад» [17, р. 617]. Представитель британской разведки после отъезда Хора майор Торнхилл подробно описывал разрушительное воздействие револю-

ционной агитации на дисциплину войск и, прежде всего, пехотных частей: «...нынешняя русская армия — это толпа невежественных крестьян, вышедших из повиновения своим офицерам» [28, САВ 24/14/90]. Доклады Торнхила подчеркивали, что и по прошествии двух с половиной лет войны три четверти русских солдат не знали, за что они воюют.

Оценки французских военных представителей следовали той же эволюции. Составленный через две недели после отречения Николая II Вторым бюро французского Генерального штаба доклад в равной мере признавал оптимистичный сценарий общенационального подъема в России маловероятным. Дрейф России в сторону заключения сепаратного мира представлялся французским военным экспертам не таким уж невероятным сценарием. Однако Второе бюро продолжало уповать на чудодейственную силу пропаганды и первейшей задачей видело нейтрализацию пацифистских сил в России, как «искренних», так и «купленных» [7, с. 305–306].

Глава французской военной миссии генерал Жанен впервые допустил заключение Россией сепаратного мира в качестве одного из сценариев в своем докладе в начале мая 1917 г. Более вероятным он все же считал окончательное погружение русского фронта в состояние «паралича», который позволил бы немцам существенно укрепить свои силы на Западном фронте. Тогда же, в мае, Жанен утвердился в мысли, что «никакие соображения щепетильности не остановят русских, и потому они вполне заслуживают того, чтобы мы, при необходимости, договорились за их спиной» [27, р. 159–160, 165]. Впрочем, идея упредить Россию с сепаратным миром с немцами Жанену и британскому представителю при Ставке Хендбери-Уильямсу была подсказана великим князем Сергеем Михайловичем, прогнозировавшим в мартовские дни вступление немцев в Петроград в течение двух-трех месяцев [27, р. 127]. Целый ряд сотрудников французской военной миссии в своих мрачных прогнозах был готов идти еще дальше. Выход России из войны казался им практически неминуемым, делом ближайших месяцев [8, с. 38].

Однако Жанен и его подчиненные смотрели на ситуацию в России — как на фронте, так и в тылу — с куда большим пессимизмом, чем французское командование в Париже. Вера в позитивное значение Февральской революции для дела союзников оставалась в Париже весьма стойкой. Одна из записок нового главнокомандующего французскими силами генерала А. Ф. Петэна от 5 июня повторяла тот тезис, что «русские осуществили революцию, чтобы изгнать правительство, которое готовилось к сепаратному миру с Германией» [8, с. 39]. Петэн продолжал рассчитывать на активную роль русского фронта, что даже заставляло Жанена подозревать, что его отчеты «кладут под сукно», не читая. Обращает на себя внимание то, что возможность выхода России из войны была рассмотрена британским правительством еще в мае 1917 г., тогда как французское командование официально допустило такую возможность лишь в меморандуме генерала Фердинанда Фоша от 26 июля, представленном на очередном межсоюзническом совещании в Париже [29, р. xxx–xxxі].

Однако, как представляется, дело было не в иллюзиях французского военного и политического руководства и, напротив, прозорливости британского. Многое предопределялось разницей в стратегическом положении двух стран и динамичным соотношением сил правительственных группировок. В Лондоне в противовес

линии премьер-министра Ллойд-Джорджа на какое-то время верх взяли доводы У. Робертсона, Дж. Керзона и Д. Хейга — противников «распыления» британских сил и средств, выступавших за то, чтобы сосредоточить все усилия на Западном фронте. Французскому же руководству после провала «наступления Нивеля» было как никогда сложно примириться с самой мыслью о возможном выходе России из войны. Это объясняло активизацию «русской политики» Парижа, кульминацией которой стала деятельность в Петрограде многочисленной миссии во главе с министром вооружений Альбером Тома.

А. Огенюис-Селиверстофф отмечает, что вплоть до лета 1917 г. представителей союзников занимал исключительно вопрос активизации боевых действий со стороны русской армии [5, р. 18]. Поначалу французское правительство было склонно следовать рекомендациям своего посла Мориса Палеолога, поддержавшего выдвинутую П. Н. Милюковым программу «победного мира». Париж поспешил удовлетвориться заявленной в декларации Милюкова приверженностью России союзническому долгу и соглашениями царского правительства, закрыв глаза на всю расплывчатость формулировок. Жанен справедливо подсказывал своему руководству, что воздействовать надо, главным образом, не на Временное правительство, а непосредственно на солдат и рабочих Петрограда. По образному выражению французского военного представителя, фронтовые части русской армии были подобны «водолазу под водой» и именно комитеты рабочих Петрограда вольны были «перерезать те трубки, которые позволяли ему жить» [27, р. 126].

Однако отправленные в Петроград миссии французских, британских и бельгийских патриотично настроенных социалистов не смогли рассеять антивоенные настроения Петросовета и окончились полным провалом. Весьма консервативно настроенный французский посол Морис Палеолог с самого начала не ждал от Февральской революции ничего хорошего для дела союзников [10, с. 132–133]. Теперь же он окончательно пришел к выводу, что Россия следует дорогой к полной анархии и спасти ситуацию могут только драконовские меры. Революция в России оценивалась им как «анархическая и разрушительная в самой своей сути», способная привести к одной только «ужасающей демагогии плебса и солдатни, разрыву всех национальных скреп, полному разрушению России», а само ее течение союзные державы могли только «замедлить, увести в сторону», чтобы выиграть время, но не отвратить от финальной катастрофы [30, р. 287, 306].

Французское правительство не могло удовлетвориться подобным фатальстичным настроением своего посла и решило в начале апреля отправить в Петроград с чрезвычайной миссией министра вооружений и социалиста А. Тома. В Париже явно возлагали надежды на его энергию и красноречие, которые должны были помочь сблизить позиции Временного правительства и Петросовета по вопросу о продолжении войны и ее целях. Цели миссии Тома были определены Рибо следующим образом: «...оказать Временному правительству содействие и помочь советами, которые позволили бы направить в нужное русло устремления самых передовых русских элементов и противостоять всякому давлению, которое могло бы поставить под угрозу участие России в войне» [11, р. 89].

Причиной последовавшего вскоре отзыва М. Палеолога были не только тесные связи с прежним режимом, но и его просчеты, позволившие англичанам приобрести слишком сильное, с точки зрения Парижа, влияние на Временное правитель-

ство. Лондон и Париж ревностно соперничали за влияние на своего восточного союзника. Французские представители питали серьезные подозрения, что Февральская революция не обошлась без британского участия, или, во всяком случае, произошла с ведома Бьюкенена и его одобрения [18, p. 148; 31, с. 102].

Надо отметить, что и в Лондоне решили немедленно «уравновесить» французский демарш и направили в Петроград одного из лидеров британских лейбористов Артура Гендерсона. Его миссия не увенчалась особым успехом и мало что дала в том, что касалось поиска новых подходов к «русской проблеме». В отчете Военному кабинету по итогам шестинедельной поездки Гендерсон рисовал Россию страной неиспользованных ресурсов: «...несмотря на их разбазаривание, проволочки и коррупцию здесь всегда всего оказывается достаточно, чтобы двигаться дальше. Грянули и миновали продовольственный, топливный, финансовый кризис, а Россия жива. Неудивительно, что русские приучились полагаться на это вечное русское чудо. Так происходит постоянно, и потому так легко думать, что чудо случится и в следующий раз» [32, САВ 24/4/2]. Гендерсон верил поэтому в итоговое светлое будущее России, призывал Лондон «оставаться с ней до конца», но не ждать в ответ большой помощи. Более содержательной программы действий его отчет не подсказывал.

Французский визави Гендерсона, напротив, сыпал идеями. Альбер Тома предупреждал, что «только решительно демократическая политика, инициированная западными нациями», сможет поднять боевой дух русского народа. Тогдашний глава французского правительства и министр иностранных дел в одном лице Александр Рибо считал необходимым поощрять усилия Тома: «...нам кажется, что Вы единственный можете дать ему [русскому правительству] авторитетные советы, которые имеют шансы быть выслушанными» [11, p. 92]. Дневник А. Тома отразил всю противоречивую смесь восхищения, надежды и дурных предчувствий, которыми были отмечены отклики европейских социалистов о России. Французский эмиссар приложил все усилия к тому, чтобы содействовать формированию правительства, которое пользовалось бы поддержкой революционных сил и народа. Вторым его шагом стала попытка убедить собственное правительство в необходимости недвусмысленно выступить в поддержку «демократического мира».

Министр вооружений призывал западные правительства к терпению и сочувственному пониманию тех сложностей, с которыми столкнулись лидеры революции. Они не должны были почувствовать, что им отказывают в том, что охотно предоставлялось царскому правительству. Если новое правительство и было слабым, то обязано оно этим было в большей степени наследию прошлого, нежели своим ошибкам. Глава французской военной миссии Жанен не разделял всей глубины оптимизма Тома. Последний, однако, верил в силу морального порыва вопреки всей тяжести положения. В отличие от Палеолога А. Тома не считал положение России безнадежным, он уверял Париж в неуклонном «реальном улучшении ситуации»: «...оперевшись на нашу поддержку и содействие, революционный патриотизм может и должен проявиться. Нельзя, чтобы неосторожная политика отвратила его от нас» [11, p. 134].

Тома искал самые изощренные формулировки целей войны, которые могли бы удовлетворить русское общественное мнение, но не жертвовали бы самыми насущными интересами союзников. Французскому правительству все это казалось

немного «туманным». В Париже были склонны прислушаться к британскому послу Бьюкенену, который прямолинейно отмечал, что ни одна из «формул» не удовлетворит русское общество, желавшее реального пересмотра целей войны. Глава правительства Рибо лично склонялся скорее к более пессимистичному и сдержанному видению Палеолога и сменившего того на посту посла в Петрограде весьма консервативного Жозефа Нуланса [33, р. 236]. Вплоть до своей отставки с поста главы правительства Рибо, однако, отказывался от всяких враждебных правительству Керенского действий. Только с приходом к власти кабинета Пенлеве был принят принцип «помощи в ответ на доказательства военных усилий», который отстаивал Нуланс.

Подготовка русской армии к так называемому Июньскому наступлению («наступлению Керенского») мало что изменила в восприятии англичан и французов. Британские военные представители еще накануне наступления демонстрировали неверие в возможность хоть малейшего успеха на Восточном фронте. Нокс в Петрограде выражал уверенность, что в случае провала летнего наступления русской армии суждено просуществовать не более двух месяцев [17, р. 609]. Исход этой попытки вновь поставил вопрос о возможных последствиях выхода России из войны. Британский Военный кабинет пришел к выводу, что Западный фронт выстоит и в этом случае, но победа будет возможна лишь с привлечением к боевым действиям США [3, р. 71]. К началу Июньского наступления французские военные представители также успели проникнуться мыслью о невозможности ожидания от него серьезных результатов [8, с. 39–40]. Итоги наступления лишь укрепили главу военной французской миссии в мысли о его преждевременности, способствовавшей не консолидации русской армии, а ее окончательному развалу.

С принципом «невмешательства» было покончено. Союзники попытались распространить свой прямой контроль над русской армией, флотом и предотвратить дальнейший развал в экономике и на железнодорожном транспорте. Задача свелась к тому, чтобы удерживать русскую армию от дальнейшего распада, сохранить фронт, подготовив в тылу ударные силы из всех «здоровых элементов». В качестве таковых должны были выступить и национальные контингенты поляков, чехов и сербов. В конце июля союзниками была признана опасность выхода России из войны «до конца текущего года» [34, САВ 24/21/31].

Взятие немцами Риги в августе 1917 г. стало последней каплей, подорвавшей доверие к способности А. Ф. Керенского повлиять на ситуацию. Отношения союзников и Временного правительства окончательно вступили в полосу кризиса. Сам тон контактов между союзниками изменился, и действия французов, англичан и американцев все более приобретали характер настойчивой опеки [5, р. 24]. Бьюкенен прямо заявил Керенскому 31 августа о том, что «социалисты в правительстве боятся превращения армии в эффективную боевую силу, чтобы ее когда-нибудь не использовали против революции». Британский посол постепенно утверждался в мысли, что Керенский солидарен с этими страхами [18, р. 169]. Нокс также последовательно разочаровывался во всех русских правительствах и их лидерах по причине их неспособности восстановить железную дисциплину в армии, оградить ее от политической агитации и обуздать революционный Петроград [17, р. 614]. Июльские события в Петрограде заставили его думать, что «спасти армию уже слишком поздно», «люди сыты войной по горло. Они не желают сражаться, и боль-

шинство в своем невежестве с радостью встретит окончательную катастрофу, которая обречет Россию на сепаратный мир» [35, САВ 24/22/19].

Новый главнокомандующий русской армии генерал Л.Г.Корнилов воспринимался союзниками как необходимая «сильная рука». Они рассчитывали на популярность фигуры генерала, которого также поддержали либеральные круги, разочарованные политикой Керенского. Поначалу французы пытались подтолкнуть Керенского и Корнилова к соглашению, однако затем окончательно сделали ставку на последнего. Провал Корниловского мятежа в начале сентября 1917 г. лишил Бьюкенена последней надежды на улучшение положения как на фронте, так и в тылу. Ему вторили британские военные. Заместитель военного атташе капитан Джеймс Блэр констатировал, что Россия «более не способна оказать союзникам ни малейшей помощи». Генерал Робертсон в письме к Д.Хейгу еще более мрачно выражал надежду (как покажет будущее, абсолютно оправданную), что хаос в России заставит немцев сохранить на Востоке какую-то часть своих дивизий даже после того, как она пойдет на сепаратный мир [3, p. 75].

Жозеф Нуланс также был значительно менее склонен к предупредительности по отношению к восточному союзнику и в своих донесениях прямо обвинял правительство Керенского в трусости. Он не считал возможным как-либо повлиять на набиравших популярность большевиков, а любые контакты с ними могли, по его мнению, закончиться только провалом и «умалить наш авторитет и престиж» [36, p. 46]. Новый французский посол рассматривал большевиков как прямых агентов Германии и сочувственно относился к идее переезда Временного правительства в Москву как «подлинную столицу», «расположенную в сердце страны и чисто русскую по своему характеру», что должно было освободить правительство от внешнего давления. На Петроград же следовало распространить зону действия военного положения, введенного после захвата немцами Риги.

21 сентября в Петроград прибыл новый глава французской военной миссии в России генерал Анри Ниссель. Он хорошо знал русский язык, как и его предшественник генерал Жанен. Последний в конце сентября 1917 г. объехал русский фронт и убедился в печальном состоянии как армии, так и «всей страны в целом», а равно и в невозможности рассчитывать на Керенского [37, p. 4–5]. Нуланс давал самую высокую оценку способностям генерала Нисселя: «...если бы возрождение [русской] армии было в человеческих силах, то у этого видного военного деятеля были все шансы преуспеть. Но дело оказалось безнадежным...» [36, p. 63]. Замена Жанена на Нисселя отметила собой новый этап во взаимоотношениях между союзниками. И. Магадеев рассматривает это назначение как стремление прибегнуть к «твердой руке» и «меру предупреждения» на случай краха России и попытки ее руководства выйти из войны — предвестник будущей интервенции [8, с. 42].

Впрочем, позиции прежнего и нового глав французской военной миссии теперь различали лишь нюансы. 5 сентября Жанен записал в своем дневнике, что если бы немцы захотели развить свое наступление в направлении Петрограда, то остановить их было бы уже некому. Однако те в полной мере были заинтересованы в том, чтобы не трогать город, в котором «революция отравляет всю остальную Россию. Тут работают на них» [27, p. 218]. Жанен пришел к выводу, что с русской армией все кончено, еще за три недели до захвата власти большевиками.

Сами оценки русской революции приобретали под пером иностранных наблюдателей все более резкий и нелюбезный характер, а невозможность повлиять на происходящее побуждала их искать ответы в особенностях русского национального характера. Канадский премьер Роберт Борден, в частности, был поражен докладом лорда Милнера, представленным Военному кабинету 6 марта: «...огромное впечатление произвели характеристики русского народа. Это азиаты по своему складу. Крайне низкая организация во внутренних делах» [38, р. 683]. М. Жанен отмечал у русских недостатков «здорового смысла и патриотизма» [27, р. 160]. Его сотрудники неоднократно подчеркивали контраст между сознательностью французских солдат и трусливым поведением целых подразделений на русском фронте. Полковник Ренти, застигнутый ноябрьскими событиями в Москве, писал главе французской военной миссии в Румынии генералу А. Бертело: «Полнейший беспорядок. Все отдают приказания, и никто не подчиняется. Крестьянин ленив, труслив, пьян и глуп; высшие классы составлены из жуиров, апатиков, утопистов или предателей. Что прикажете делать с таким народом? Остается лишь *кнут*» [39, р. 576]. Безусловно, иностранные представители считали своим прямым долгом как-то повлиять на ситуацию. Картины бездействия тысяч солдат в Петрограде, бесконечных митингов и все более частые случаи братания с немцами казались им тем более нестерпимыми с учетом жертв, бремя которых продолжали нести их страны.

Впрочем, в воспоминаниях иностранных представителей находилось место и многочисленным положительным примерам того, как русские солдаты и офицеры демонстрировали приверженность союзническому долгу. Оценки французских интеллектуалов-славистов, включенных в состав военных миссий в России, как правило, отличались большей взвешенностью. Французский филолог Пьер Паскаль вспоминал о спорах со своими коллегами-офицерами относительно ценности своих восточных союзников: «...они постоянно внутренне попрекают их [русских] за то, что те не французы. Они смотрят на все с точки зрения Франции» [40, р. 486]. Еще одним ярким контрастом были оценки прикомандированного к русской армии этнографа Жюль Легра. Он склонен был в большей степени возлагать ответственность на тех русских офицеров, «что лениво наслаждались своим [привилегированным] положением и позволили войне идти своим чередом, не занимая своих людей ни трудом, ни подготовкой. Они лишь вселили в своих солдат раздражение и скуку <...> и в тяжелую минуту не сумели ни удержать тех на своем посту, ни найти нужные слова» [41, р. 205].

Между тем вовлечение французских социалистов в русские дела к осени 1917 г. стало восприниматься опасным для внутривнутриполитической стабильности в самой Франции — в особенности их призывы к пересмотру целей войны. Перлюстрированные с мая по сентябрь 1917 г. военной цензурой письма рядовых французов засвидетельствовали распространение сомнений в возможности победы и, в связи с этим, рост популярности идеи компромиссного мира [42, р. 144]. В середине сентября 1917 г. новое французское правительство впервые с начала войны было сформировано без участия социалистов. Отставка А. Тома покончила и с особой ролью французских социалистов в отношениях с революционной Россией. Широкая сеть информаторов бывшего министра вооружений сохранилась, но все дальнейшие сведения от них теперь шли напрямую во французский МИД. Никакого существенного влияния на «русскую политику» Парижа они более не оказывали [43,

р. 142–143]. Главенствующая роль в выборе тактики окончательно перешла к новому французскому послу в России Жозефу Нулансу.

Тем не менее французская стратегия в отношении России отличалась определенной двойственностью и гибкостью. Политическая «линия Тома», заключавшаяся в том, чтобы сделать в России ставку на «левых», а не на «правых», не была полностью отброшена Парижем. Более того, в октябре 1917 г. в Петроград прибыл еще один эмиссар А. Тома — Жак Садуль, убежденный социалист, лично знавший многих большевистских лидеров. Последний в своих отчетах рисовал большевиков единственной политической силой, способной справиться с ситуацией в стране. Двух недель пребывания в стране ему оказалось достаточно, чтобы утверждать, что продолжения войны в России более никто не хочет [44, р. 37–38]. В связи с этим становится более понятным сохранение военными представителями союзников негласных контактов с большевистскими лидерами и после прихода тех к власти ради призрачной надежды хотя бы номинального сохранения Восточного фронта.

* * *

Обобщая отклики западных представителей на революционные события в России, стоит отметить, что отношение союзников к происходящему определял главный вопрос: ее способность к дальнейшему ведению активных боевых действий. При этом оценки наблюдателей Франции и Великобритании были в значительной мере схожими и следовали естественной эволюции: от тревоги в марте-апреле по поводу последствий падения дисциплины в русской армии к скепсису июня-июля относительно готовящегося наступления на Восточном фронте и, наконец, разочарованию и краху надежд на всякую помощь от России к концу кампании 1917 г. Это подтверждает точность наблюдений российского поверенного в делах в Лондоне К. Д. Набокова, зафиксировавшего следующую смену фаз англо-русских отношений: от стадии «недоверия, окрашенного досадою», к «постепенному молчаливому разочарованию и пожиманию плеч» и, наконец, к стадии «разочарования и раздражения» в конце августа 1917 г. [45, с. 106, 139].

Парадоксально, но «разочарование», «скепсис» и «раздражение» союзных держав не помешали им рассчитывать на восстановление боеспособности русской армии. На Лондонской конференции Антанты, состоявшейся в начале августа 1917 г., участники выразили твердую решимость оказать все возможное содействие в восстановлении порядка. Таким образом, Антанта надеялась вдохнуть новую жизнь в своего союзника к началу весенней кампании 1918 г., имея за плечами опыт подобной полной реорганизации сербской и румынской армии. Несопоставимый масштаб усилий в случае с Россией, как представляется, делал всю затею трудно-выполнимой.

При этом британские оценки происходящего в России с самого начала были окрашены наибольшим пессимизмом. Под воздействием донесений британских представителей начальник Имперского Генерального штаба генерал Робертсон уже в первые же недели после Февральской революции склонился к мнению, что в военном отношении Россия в течение 1917 г. для союзников в любом случае потеряна. Это сразу же нашло свое отражение в постоянном пересмотре со стороны англичан и французов обязательств по военным поставкам в Россию, взятых ими в феврале

на Петроградской межсоюзнической конференции с расчетом на ее активную роль в войне.

Британские и французские представители демонстрировали примечательное единодушие в оценках причин Февральской революции и продолжения «дрейфа от плохого к худшему», по словам С. Хора, ситуации в России летом-осенью 1917 г. Их донесения изобиловали деталями, однако анализ нередко искажался предрассудками, политическими пристрастиями и эмоциями текущего момента. И все же Лондон и Париж располагали весьма реалистичной, насколько это вообще было возможно в тогдашних условиях, картиной происходящего в России. Все тот же С. Хор открыто иронизировал над привычкой объяснять все происками неких «темных сил» или прямо германской подрывной деятельностью. Усталость от войны и стремление к скорейшему миру (пусть пока и не «миру любой ценой») подавляющего большинства населения России не были секретом для союзников уже накануне Февральской революции. Осознание этого, однако, не умалило их последующих усилий по развертыванию в России масштабной пропаганды в пользу войны до победного конца. Перспектива возможного выхода России из войны всерьез учитывалась союзниками задолго до прихода к власти большевиков.

Литература

1. *Уорп Р.* Антанта и русская революция, 1917–1918 / пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2006. 276 с.
2. *Neilson K.* Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–17. Boston: Allen & Unwin, 1984. 338 p.
3. *Neilson K.* The Breakup of the Anglo-Russian Alliance: The Question of Supply in 1917 // *The International History Review*. 1981. Vol. 3, N 1. P. 62–75.
4. *Neilson K.* “Joy Rides”? British Intelligence and Propaganda in Russia, 1914–1917 // *The Historical Journal*. 1981. Vol. 24, N 4. P. 885–906.
5. *Hogenhuis-Seliverstov A.* Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.
6. *Павлов А. Ю.* Скованные одной цепью. Стратегическое взаимодействие России и ее союзников в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 198 с.
7. *Павлов А. Ю.* Надежды и тревоги: реакция французского правительства на Февральскую революцию в России // В поисках исторической истины: сб. статей. М.: Старая Басманная, 2017. С. 301–311.
8. *Магадеев И. Э.* Восточный фронт в 1917 г. и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // *Новая и новейшая история*. 2017. № 6. С. 29–46.
9. *Бабинцев В. А., Галкина Ю. М.* «Декрет о мире» и его последствия в восприятии сотрудников французской военной миссии в России // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика. Екатеринбург: Изд-во УРФУ, 2016. С. 352–358.
10. *Вершинин А. А.* Революция 1917 года в России глазами французских политиков // *Новая и новейшая история*. 2017. № 1. С. 126–148.
11. *Thomas A.* Journal de Russie d'Albert Thomas, 22 avril — 19 juin 1917 // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1973. Vol. 14, N 1/2. P. 86–204.
12. *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / пер. с англ. М.: Олма-Пресс, 2002. 479 с.
13. *Darcy P.* Au Service de la France en Russie // *La Revue de Paris*. 1927. T. V, 15 Septembre. P. 364–378; 1 Octobre. P. 631–653.
14. *Hoare S.* The Fourth Seal. London: William Heinemann, 1930. 432 p.
15. *Morris L. P.* The Russians, the Allies and the War, February–July 1917 // *The Slavonic and East European Review*. 1972. Vol. 50, N 118. P. 29–48.
16. *Быков А. В.* Фрэнсис Линдли: британский дипломат и русская революция // *Новый исторический вестник*. 2011. С. 63–76.

17. *Knox A.* With the Russian Army. New York: Hutchinson, 1921. Vol. 2. 420 p.
18. *Buchanan G.* My mission to Russia and other diplomatic memories. London: Cassell and Co, 1923. Vol. II. 280 p.
19. *Lloyd George D.* War memoirs. Boston: Little, Brown, and Co, 1934. Vol. III: 1916–1917. 597 p.
20. Service historique de la Défense, Département de l'armée de Terre (SHD/DAT, БЫВШИЙ S.H.A.T.). 17 N 1547, Huitième rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie), 19 mars 1917.
21. *Shlapentokh D.* The French and Russian Revolutions as observed by foreign witnesses of the Russian Revolution // *Revue des études slaves*. 1993. T. 65, fasc. 3. P. 493–498.
22. *Gerbod P.* Image de la Russie en France de 1890 à 1917 // *L'Information historique*. 1979. Vol. 41, N 3. P. 115–122.
23. *Локкарт Р.* Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки / пер. с англ. М.: Эксмо, 2016. 368 с.
24. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/10/89. Telegram of Robertson April 14, 1917 (Secret).
25. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/9/87. Bury G. The Russian Revolution (Memorandum to War Cabinet), 5 April 1917 (Secret). Fol. 411–412.
26. *Hunter T.* Sir George Bury and the Russian Revolution // *The Canadian Historical Association: Report of the Annual Meeting*. 1965. Vol. 44 (1). P. 58–70.
27. *Janin M., général.* En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Le journal inédit du général Janin. Paris: L'Harmattan, 2015. 283 p.
28. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/14/90. Thornhill C., major. Effects of Russian Revolution, 4 May 1917 (Secret). Fol. 381.
29. *Foch F.* Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre 1914–1918. Paris: Plon, 1931. T. 2. 337 p.
30. *Paléologue M.* La Russie des tsars pendant la Grande Guerre. Paris: Plon, 1922. Vol. 3: 19 août 1916 — 17 mai 1917. 356 p.
31. *Соловьев О. Ф.* Революция глазами Второго бюро // *Свободная мысль*. 1997. № 9. С. 102–110.
32. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/4/2. Henderson A. British Mission to Russia, June and July, 1917 (Memorandum to War Cabinet, 16 July 1917).
33. *Ribot A.* Lettres à un ami: Souvenirs de ma vie politique. Paris: Bossard, 1924. 354 p.
34. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/21/31. Allied Conference at Paris. Suggestions for Support to be given to Russia in order to prevent a possible Defection, 26 July 1917 (Secret).
35. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/22/19. Report of general Knox, July 22, 1917. Fol. 78–79.
36. *Noulens J.* Mon ambassade en Russie soviétique. Vol. I. Paris: Plon, 1933. 259 p.
37. *Niessel A., général.* Le triomphe des bolchévics et la paix de Brest-Litovsk: Souvenirs, 1917–1918. Paris: Plon, 1940. 380 p.
38. *Borden R. L.* Robert Laird Borden: His Memoirs. Toronto: Macmillan, 1938. Vol. II. 622 p.
39. *Grandhomme J.-N.* Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916–1918). Paris: L'Harmattan, 1999. 1120 p.
40. *Sinanoglou I.* La Russie dans la Première Guerre mondiale: Le témoignage de Pierre Pascal // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1976. Vol. 17, N 4. P. 485–493.
41. *Legras J.* Mémoires de Russie. Paris: Payot, 1921. 450 p.
42. *Jackson P.* Beyond the Balance of Power: France and the politics of national security in the era of the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 577 p.
43. *Sinanoglou I.* La mission d'Eugène Petit en Russie. Le parti socialiste français face à la révolution de Février // *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1976. Vol. 17, N 2/3. P. 133–170.
44. *Sadoul J.* Notes sur la révolution bolchevique (octobre 1917 — janvier 1919). Paris: Clarté, 1919. 465 p.
45. *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. 282 с.

Статья поступила в редакцию 26 марта 2018 г.

Статья рекомендована в печать 3 мая 2018 г.

Контактная информация:

Бодров Андрей Владимирович — канд. ист. наук, доц.; bodrovandrew@yandex.ru

The reaction of the representatives of the Allied Powers in Russia on the revolutionary events of 1917

A. V. Bodrov

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Bodrov A. V. The reaction of the representatives of the Allied Powers in Russia on the revolutionary events of 1917. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2018, vol. 11, issue 2, pp. 128–145. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2018.202>

The article put forward a comparative analysis of the reaction of the British and French diplomats and military representatives on the revolutionary events in Russia in February–October 1917. The author defines the range of the most informed foreign observers and tries to appreciate the degree of their impact on the policy of London and Paris concerning Russia. He accentuates on how far these responses and estimates were determined by the position and the nature of activities of the representatives of the Allied Powers, as well as by their political preferences and prejudices. The author avoids to restrict himself by a mere digest of comments of foreign contemporaries of the Russian Revolution. He tends to put these responses into a broader context of efforts of the French and the British governments to keep their Eastern ally in the war. Above all else, the article addresses the issue of common and distinct in the “Russian policy” of the two countries, the degree of conformity and rivalry of the Western Powers in their attempts to influence the march of events in Russia. Estimates of the foreign representatives are traced in dynamics. They naturally evolved following the processes in Russia on the course “from bad to worse”: from anxiety in March–April caused by decline of the morale of the Russian Army to skepticism in June–July in anticipating of the planned offensive on the Eastern front and, finally, to disappointment and blow of all hopes regarding assistance from the part of Russian till the end of the campaign of 1917. The author also stresses surprising similarity of British diagnoses and flexibility of the “Russian policy” of France.

Keywords: Russian Revolution of 1917, First World War, Triple Entente, diplomats, military representatives, perception.

References

1. Warth R. *Antanta i russskaia revoliutsiia, 1917–1918* [*The Allies and the Russian Revolution, 1917–1918*], transl. from english. Moscow, Tsentrpoligraf, 2006. 276 p. (In Russian)
2. Neilson K. *Strategy and Supply: The Anglo-Russian Alliance, 1914–17*. Boston, Allen & Unwin, 1984. 338 p.
3. Neilson K. The Breakup of the Anglo-Russian Alliance: The Question of Supply in 1917. *The International History Review*, 1981, vol. 3, no. 1, pp. 62–75.
4. Neilson K. “Joy Rides”? British Intelligence and Propaganda in Russia, 1914–1917. *The Historical Journal*, 1981, vol. 24, no. 4, pp. 885–906.
5. Hogenhuis-Seliverstoff A. *Les relations franco-soviétiques 1917–1924* [*Franco-Soviet Relations, 1917–1924*]. Paris, Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p. (In French)
6. Pavlov A. Iu. *Skovannye odnoi tsep’iu. Strategicheskoe vzaimodeistvie Rossii i ee soiuznikov v gody Pervoi mirovoi voiny (1914–1917 gg.)* [*Forged by one chain. Strategic cooperation between Russia and her Allies during the First World War (1914–1917 gg.)*]. St. Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008. 198 p. (In Russian)
7. Pavlov A. Iu. Nadezhdy i trevogi: reaktsiia frantsuzskogo pravitel’stva na Fevral’skiuiu revoliutsiiu v Rossii [Expectations and Anxiety: the French Government’s reaction on the February Revolution in Russia]. *V poiskakh istoricheskoi istiny: sb. statei* [*In search of historical truth: Digest of articles*]. Moscow, Staraia Basmannaia, 2017, pp. 301–311. (In Russian)
8. Magadeev I. E. Vostochnyi front v 1917 g. i perspektivy rossiiskoi armii v otsenkakh frantsuzskikh voennykh ekspertov [The Eastern Front in 1917 and prospects of the Russian Army in estimations of the French military experts]. *Novaia i noveishaia istoriia*, 2017, no. 6, pp. 29–46. (In Russian)
9. Babintsev V. A., Galkina Iu. M. «Dekret o mire» i ego posledstviia v vospriiatii sotrudnikov

frantsuzskoi voennoi missii v Rossii [Decree on Peace and its consequences in perception of the members of the French military mission in Russia]. *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaia ideia, revoliutsionnaia mifologiya i praktika* [1917 in Russia: socialist idea, revolutionary mythology and practice]. Ekaterinburg, Izd-vo URFU, 2016, pp. 352–358. (In Russian)

10. Vershinin A. A. Revoliutsiia 1917 goda v Rossii glazami frantsuzskikh politikov [Russian Revolution of 1917 as viewed by the French politicians]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2017, no. 1, pp. 126–148. (In Russian)

11. Thomas A. Journal de Russie d'Albert Thomas, 22 avril — 19 juin 1917 [Russian Diary of Albert Thomas, 22 April — 19 June, 1917]. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1973, vol. 14, no. 1/2, pp. 86–204. (In French)

12. Davis D., Trani Eu. *Pervaia kholodnaia voina. Nasledie Vudro Vil'sona v sovetsko-amerikanskikh otnosheniakh* [The First Cold War. The Legacy of Woodrow Wilson in U.S.-Soviet Relations], transl. from English. Moscow, Olma-Press, 2002. 479 p. (In Russian)

13. Darcy P. Au Service de la France en Russie [In Service of France in Russia]. *La Revue de Paris*, 1927, t. V, 15 Septembre, pp. 364–378; 1 Octobre, pp. 631–653. (In French)

14. Hoare S. *The Fourth Seal*. London, William Heinemann, 1930. 432 p.

15. Morris L. P. The Russians, the Allies and the War, February-July 1917. *The Slavonic and East European Review*, 1972, vol. 50, no. 118, pp. 29–48.

16. Bykov A. B. Frensis Lindli: britanskii diplomat i russkaia revoliutsiia [Francis Lindley: the British diplomat and the Russian Revolution]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 2011, pp. 63–76. (In Russian)

17. Knox A. *With the Russian Army*. Vol. 2. New York, Hutchinson, 1921. 420 p.

18. Buchanan G. *My mission to Russia and other diplomatic memories*. Vol. II. London, Cassell and Co, 1923. 280 p.

19. Lloyd George D. *War memoirs*. Vol. III: 1916–1917. Boston, Little, Brown, and Co, 1934. 597 p.

20. Service historique de la Défense, Département de l'armée de Terre [Historical Service of Ministry of Defence]. 17 N 1547, Huitième rapport de mission du lieutenant-colonel Langlois (Russie et Roumanie), 19 mars 1917. (In French)

21. Shlapentokh D. The French and Russian Revolutions as observed by foreign witnesses of the Russian Revolution. *Revue des études slaves*, 1993, T. 65, fasc. 3, pp. 493–498.

22. Gerbod P. Image de la Russie en France de 1890 à 1917 [Russia's Image in France from 1890 to 1917]. *L'Information historique*, 1979, vol. 41, no. 3, pp. 115–122. (In French)

23. Lökkart R. *Agoniia Rossiiskoi imperii. Vospominaniia ofitsera britanskoi razvedki* [The Agony of the Russian Empire. Reminiscences of the officer of British Intelligence Service], transl. from English. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 368 p. (In Russian)

24. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/10/89. Telegram of Robertson April 14, 1917 (Secret).

25. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/9/87. Bury G. The Russian Revolution (Memorandum to War Cabinet), 5 April 1917 (Secret). Fol. 411–412.

26. Hunter T. Sir George Bury and the Russian Revolution. *The Canadian Historical Association: Report of the Annual Meeting*, 1965, vol. 44 (1), pp. 58–70.

27. Janin M., général. *En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Le journal inédit du général Janin* [With mission in Russia in time of the War, 1916–1917: Unedited Diary of General Janin]. Paris, L'Harmattan, 2015. 283 p. (In French)

28. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/14/90. Thornhill C., major. Effects of Russian Revolution, 4 May 1917 (Secret). Fol. 381.

29. Foch F. *Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre 1914–1918* [The memoirs of Marshal Foch]. T. 2. Paris, Plon, 1931. 337 p. (In French)

30. Paléologue M. *La Russie des tsars pendant la Grande Guerre* [Russia of Tsars in Time of the Great War]. Vol. 3: 19 août 1916–17 mai 1917. Paris, Plon, 1922. 356 p. (In French)

31. Solov'ev O. F. Revoliutsiia glazami Vtorogo biuro [Revolution as viewed by the Second bureau]. *Svobodnaia mysl'*, 1997, no. 9, pp. 102–110. (In Russian)

32. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/4/2. Henderson A. British Mission to Russia, June and July, 1917 (Memorandum to War Cabinet, July 16, 1917).

33. Ribot A. *Lettres à un ami: Souvenirs de ma vie politique* [Letters for a friend: Recollections of my political life]. Paris, Bossard, 1924. 354 p. (In French)

34. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/21/31. Allied Conference at Paris. Suggestions for Support to be given to Russia in order to prevent a possible Defection, 26 July 1917 (Secret).

35. The National Archives (UK). The Cabinet Papers. CAB 24/22/19. Report of general Knox, July 22, 1917. Fol. 78–79.
36. Noulens J. *Mon ambassade en Russie soviétique [My Mission in Soviet Russia]*. Vol. I. Paris, Plon, 1933. 259 p. (In French)
37. Niessel A., général. *Le triomphe des bolchévics et la paix de Brest-Litovsk: Souvenirs, 1917–1918 [The Triumph of Bolsheviks and the Peace of Brest-Litovsk: Recollections, 1917–1918]*. Paris, Plon, 1940. 380 p. (In French)
38. Borden R. L. *Robert Laird Borden: His Memoirs*. Vol. II. Toronto, Macmillan, 1938. 622 p.
39. Grandhomme J.-N. *Le Général Berthelot et l'action de la France en Roumanie et en Russie méridionale (1916–1918) [General Berthelot and actions of France in Romania and Southern Russia (1916–1918)]*. Paris, L'Harmattan, 1999. 1120 p. (In French)
40. Sinanoglou I. La Russie dans la Première Guerre mondiale: Le témoignage de Pierre Pascal [Russia in the First World War: Pierre Pascal's evidences]. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1976, vol. 17, no. 4, pp. 485–493. (In French)
41. Legras J. *Mémoires de Russie [Recollections of Russia]*. Paris, Payot, 1921. 450 p. (In French)
42. Jackson P. *Beyond the Balance of Power: France and the politics of national security in the era of the First World War*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 577 p.
43. Sinanoglou I. La mission d'Eugène Petit en Russie. Le parti socialiste français face à la révolution de Février [The Eugène Petit mission in Russia. The French Socialist Party faces the February Revolution]. *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1976, vol. 17, no. 2/3, pp. 133–170. (In French)
44. Sadoul J. *Notes sur la révolution bolchevique (octobre 1917 — janvier 1919) [Notes on the Bolshevik Revolution]*. Paris, Clarté, 1919. 465 p. (In French)
45. Nabokov K. D. *Ispytaniia diplomata [Endurances of a diplomat]*. Stokgol'm, Severnye ogni, 1921. 282 p. (In Russian)

Author's information:

Andrei V. Bodrov — PhD in History, Associate Professor; bodrovandrew@yandex.ru